

УДК 111.1

ПРИНЕСЁТ ЛИ БЛАГО ОБЩЕСТВУ ОТКАЗ ОТ ХРИСТИАНСКИХ ИДЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ?

Соколовская О. В.

ФГБОУ ВПО Омский государственный педагогический университет, Россия (644099, Омск, Набережная им. Тухачевского, 14), e-mail: oxana.omsk@mail.ru

Вопрос отказа от влияния православной религиозности на ценностные ориентиры в российском обществе очень актуален на настоящий момент. Реализация на практике интеллектуальных запросов по преобразованию отечественного культурного пространства по образцу западной мировоззренческой матрицы тесным образом увязана с секуляризацией культуры общественных отношений. Секуляризация предполагает построение общества потребления, главным жизненным смыслом в котором являются деньги и личная выгода. Цивилизационное взаимопроникновение культур – процесс объективный и неизбежный. Опыт западной цивилизации полезен и необходим. Однако требуется его тщательное осмысление, изучение, чтобы заимствовать лучшее, не противоречащее исторически сложившимся в России жизненным смыслам и образам.

Ключевые слова: религия, общественное правосознание, общество, секуляризация, христианские идеи и ценности.

WILL THE REFUSAL FROM CHRISTIAN MORALS AND VALUES BRING THE BLESSING TO SOCIETY?

Sokolovskaya O. V.

Omsk State Pedagogical University 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo, 644099 Omsk, Russia

The issue of refusal from the influence of Orthodox religiosity on valuable reference points in Russian society is very important at the present moment. Realization in practice of intellectual inquiries on a sample of western world outlook matrix is closely connected with laicization of the culture of public relations. The laicization assumes the building of consumer society, the main meaning of the life in which is money and personal benefit. Civilized interpenetration of cultures is an objective and inevitable process. However, the careful judgement and analysis are required in order to borrow the best, which doesn't contradict to the meanings of lives and images which have been historically developed in Russia.

Key words: religion, public sense of justice, society, laicization, Christian morals and values.

Исторически общественное правосознание в России находится под непрерывным, модулирующим воздействием западной цивилизации. В нашей стране ведётся перманентное строительство либеральных институтов за счёт вытеснения Церкви из обыденной жизни людей и отказа от традиционных для России христианских идей и ценностей. Н. А. Нарочницкая утверждает, что «... атеисты хотели бы нас загнать в некий клуб по интересам, подобно клубу филателистов или автомобилистов. Таково отношение и к Церкви. Её постоянно ограничивают. И мы же слышим при этом злобные окрики, что Церковь у нас отделена от государства. Да, отделена. Но что это означает? Лишь то, что Церковь напрямую не вмешивается, например, в финансирование отраслей или в назначение министров. Но не может же Церковь перестать быть Церковью и отделиться от общества! Она тогда просто не будет выполнять свою непосредственную задачу связи человека с Богом и миссию по утверждению истины» [7].

В условиях глобализации процесс вхождения в нашу жизнь западных секулярных образцов мироустройства становится всё более активным. Фундаментальное разделение на религиозную и секулярную мораль стало объективной реальностью. На наших глазах происходит деформация нравственных критериев оценки сущего, представлений людей о том, что является благом, а что злом. В обыденной жизни это приводит к фрагментации общественного правосознания социума по этническим, социальным, имущественным, религиозным и прочим признакам, тем самым создавая угрозу перспективе его исторического развития. Современное российское общество испытывает реальную потребность в проектах справедливого мироустройства на основе нравственного эталона должного. Учитывая цивилизационную несхожесть России и Запада, перенос западноевропейских жизненных смыслов на российскую почву не вызывает однозначного одобрения. Тем не менее наличие постоянного стремления ориентироваться на Запад ставит общество перед выбором приоритетов дальнейшего развития социума. В этих условиях встают закономерные вопросы: принесёт ли благо обществу отказ от христианских идей и ценностей? Приемлема ли для России секуляризация общественного правосознания по западному образцу?

При поверхностном взгляде на проблему внешняя, видимая сторона секуляризации, стимулирующая прогресс науки, технологий производства материальных благ заслоняет собой менее видимую внутреннюю, духовную компоненту данного процесса, создающую основу для гармонизации самых различных социальных отношений.

В советский, секулярный период отечественной истории нравственность рассматривалась как «надстройка над экономическим основанием общества, вторичное, производное от материальной культуры образование» [5, с. 12]. Понимая высокую значимость такого мотивационного фактора, как вера человека в сверхъестественное, пытались восполнить отсутствие свободы совести и религиозной нравственности светской моралью. Ярким примером такой подмены являлся так называемый «Моральный кодекс строителя коммунизма», в котором по существу перефразированы христианские идеи и ценности применительно к политико-экономической реальности того периода. Негативные проявления нравственного свойства в повседневной жизни приписывались тёмному прошлому и отсутствию достаточного опыта организации социума на основе дисциплинирующих традиций промышленно развитого Запада: «... надо заметить, что для понимания природы и истоков трудностей нашего нравственного развития (по крайней мере, некоторых из них) обязательно надо принимать во внимание, так сказать, предысторию советского общества: наша страна не прошла в полной мере школу буржуазного правопорядка, капиталистической дисциплины труда и деловых отношений. Россия была по

преимуществу страной мелкокрестьянской. И не с этим ли связаны (хотя бы отчасти) наблюдаемая у некоторых советских людей склонность к анархическому своеволию, неумение работать планомерно и организованно, недостаток такого вида честности, как обязательность в деловых отношениях, когда сила слова (обещания, обязательства, заверения), данного деловым человеком, столь велика, что представляется просто неприличным требовать его письменной (документальной) фиксации? <...> В тот период принято было считать, что «безвозвратно уходит в прошлое нравственность, державшаяся на страхе перед «божьей карой», рождается и становится явно преобладающей новая нравственность, основанная на сознании ответственности человека перед человеком, перед обществом, на совести и взаимном уважении человеческого достоинства» [5, с. 12, 13]. Однако дальнейший ход истории данного тезиса не подтвердил.

В свою очередь развиваемый на Западе в течение многих веков секулярный подход породил в общественном правосознании европейцев идеи рационализма и безусловного приоритета индивидуальной свободы личности над интересами окружающего социума. Любые вещи и явления рассматриваются с позиции материальной выгоды. Основной ценностью и эталоном для всего сущего, а также мерой всех вещей являются деньги, выступающие главным, мотивирующим и жизнеопределяющим фактором для индивида и социума. Даже в миропонимании людей, придерживающихся религиозных взглядов на жизнь, за деньги можно решить любые проблемы, включая духовные. Например, получить прощение грехов через институты индульгенций и/или церковного налога, сохранившиеся в ряде стран Запада до наших дней. В целом же, в результате секуляризации и отправки в архив истории христианских духовных ценностей возник новый социум, в котором духовный мир человека не является определяющим при выборе смыслополагающих ориентиров социального развития. «Мир без святых и героев» стремится увеличивать комфорт, который стал высшей, выше Бога, целью потребительского общества, считает В. А. Кутырев [6].

Современный Запад наглядно демонстрирует ущербность практики отказа общества от христианских идей и ценностей и формирование правосознания социума, вектор развития которого ориентирован на достижение эгоистических целей, в том числе и нездоровых, противоречащих человеческому естеству. Ю. В. Голик пишет, что «характерной особенностью текущего момента является появление законов, и их становится все больше и больше, которые работают не во благо, а во вред. <...> Чего стоит одно решение Европарламента, запрещающее использовать слова «мама» и «папа». Только родитель № 1 и родитель № 2 (а кто № 1 и кто № 2, не разъясняется) [3].

Подмена вечных идеалов эгоистическими идолами сущего приводит к тому, что зло и добродетель в общественном правосознании могут поменяться местами. Глубокое, сущностное понимание вреда секуляризации общественного сознания для позитивного развития современного общества можно найти в работах не только отечественных, но и зарубежных исследователей.

С точки зрения секулярной модели общественного правосознания наивысшей ценностью является сам человек, его автономные от Бога и окружающего общества личная свобода, благополучие и комфорт в посюстороннем мире. Такой подход фрагментирует общественное сознание на множество разнообразных жизненных смыслов и представлений о должном, ведет к пониманию того, что является благом, а что злом с эгоистической позиции индивида. В. А. Бачинин пишет, что «автономное нравственное сознание оказалось пленником самообмана, суть которого заключается в целом ряде принципиальных подмен, главная из которых состояла в том, что в статус абсолюта было возведено то, что по своей природе относительно – индивидуальное «я», с его ограниченностью, изменчивостью, слабостью. <...>. Секулярная мораль отличается от морали религиозной укорененностью своих структур не в абсолютной неизменности запредельного мира высших трансценденций, а в земной реальности посюстороннего мира, где на всех формах сущего и должного лежит печать изменчивости и относительности» [2]. Проблема духовного перерождения и подмены внутреннего духовного регулятора правосознания индивида внешним регулятором, в качестве которого выступает писаное, позитивное право в форме законов становится всё более актуальной и привлекает всё большее внимание исследователей.

Отказ Запада от внутренних, нравственных христианских критериев должного породил в общественном сознании иллюзорную уверенность в том, что любые вопросы можно решить детальной регламентацией бытия и соответствующими механизмами контроля. Проблемы, порождаемые подобным подходом, становятся всё более объёмными и привлекают внимание исследователей. Одной из таких проблем является объективная необходимость в организации внешнего, всестороннего контроля за личностью. При отказе от внутренних, духовных регуляторов контроль над личностью со стороны социума должен носить тотальный характер и осуществляться помимо воли субъекта. Так, например, В. А. Кутырев считает, что «...вместо культурных регуляторов, представлений о том, что хорошо, плохо, понятий греха, добра и зла, общество приступило к «внешнему» регулированию отношений между людьми – технологиям наблюдения и контроля. Если нет всевидящего Бога и совести (мораль вслед за религией отделена от государства, потому оно «правовое»), надо ставить камеры наблюдения и проверять на детекторах лжи. На подходе «чтение мыслей», эмоции уже «считывают» [6]. При таком сценарии развития социальных

отношений индивидуальная свобода личности, как основной постулат западного мировоззрения, утрачивает свой первоначальный смысл и превращается в фикцию.

При всём при этом нельзя не отметить, что стремление к достижению справедливого мироустройства через нормативное регулирование привело на Западе к такому положительному явлению в правовой культуре, как практика сплошного применения закона без оглядки на социальный статус и имущественный ценз субъектов правоотношений.

Стоящие во главе угла западной модели общественных отношений абсолютизация личностной свободы индивида и его комфортного существования не являются ключевыми для православной культурной традиции. «Суть несходства западных и восточных понятий о свободе в другом – в различии их глубинного идейного содержания (теоцентрический взгляд на личность в первом случае и пантеистический, космоцентрический – во втором), а также в тех издержках, которые проявились в конкретных социально-исторических процессах. В первом случае – это эгоцентризм, гипертрофия внешней активности индивидуального «я» (по выражению М. М. Бахтина, внешнее «оплотнение души», Бахтин, 1979, с. 131), во втором – тенденция пассивности, бегства, самоотключения от мира и людей, самозамыкание в отрешенной созерцательности» [9, с. 407].

Для российского менталитета законность поведения и деятельности традиционно является второстепенным фактором. Первостепенное значение имеют духовные, нравственные основания поведения и деятельности. Так, Л. М. Дмитриева считает, что «в основании русской духовной традиции лежит идея о приоритете благодатной любви над законническими отношениями, веры и нравственности над правовыми основаниями. Эта мысль прослеживается со времени произнесения Киевским Митрополитом Иларионом «Слова о Законе и Благодати» (между 1037 – 1050 гг.) в произведениях русских духовных писателей, светских авторов, народной поэзии и прозе. Более того, изучение особенностей национального менталитета русского народа позволяет с уверенностью утверждать, что данное представление о приоритете благодатной любви над законностью является русским национальным культурным архетипом, то есть имеет значение некоего базисного элемента культуры, с помощью которого формировались константные модели русской духовной и общественной жизни. Одной из таких константных моделей, при изучении которой явно прослеживается влияние указанного культурного архетипа, является русская правовая культура и правосознание русского народа» [4, с. 165].

Поэтому в настоящее время не теряет актуальности мнение Райнера Рильке об опасности для России западного пути развития. Анализируя его творчество, К. М. Азадовский пишет «мысль о том, что Запад чужд и даже опасен для России, что русский народ кормится «божьим хлебом» и т. п., Рильке впоследствии повторит не раз в своих

статьях и письмах. Но этого мало. Выясняется, что в богоизбранной России «от Бога идет и многое другое. Кажется, что все новое идет оттуда: каждое платье, каждое кушанье, каждая добродетель и даже каждый грех должен быть одобрен Богом и потом лишь входит в обычай» [1, с. 39].

Перманентное строительство либеральных институтов в нашей стране нацелено на изменение общественно значимого объекта сакрализации на индивидуально значимый. Следует отметить, что даже в советский период, когда многие отошли от православия, они тем не менее не утратили религиозности. Марксистско-ленинская, коммунистическая идеология фактически стала социоцентрической религией (по классификации Д. В. Пивоварова [См.: 8, с. 281]), в нее *верили*.

Поэтому субъективное мнение автора по поставленным вопросам заключается в том, что слепое имплантирование западного опыта секуляризации жизненных смыслов в духовную сферу России недопустимо. Умаление роли Русской Православной Церкви и отказ от христианских идей и ценностей в современных реалиях для России принесёт не благо, а вред. Отказ от традиционных духовных ценностей может привести к разрыву уз, соединяющих людей в народ, утрате самоидентификации и распаду как личности, так и социума. Поэтому автор солидарен с мнением Н. А. Нарочницкой в том, что «...глас религиозной совести, конечно, должен звучать во всех областях жизни. И это совершенно не противоречит конституционному отделению Церкви от государства. <...> Наоборот, преступно отрывать своих граждан от той религиозно-философской картины мира, которая двигала всеми предыдущими поколениями русских людей. Ведь без этого нет будущего у России» [7]. Судьба советского секулярного цивилизационного проекта – наглядное подтверждение бесперспективности попыток построения социума на идейной платформе, основанной на сакральных идеях и ценностях материального мира, без учёта исконного стремления человеческой души к вечной жизни и Богу.

Список литературы

1. Азадовский К. М. Рильке и Россия: Статьи и публикации / К. М. Азадовский. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 432 с.
2. Бачинин В. А. Секулярный и теономный типы нравственности: сравнительный культурно-антропологический анализ. [Электронный ресурс] / Режим доступа: URL: <http://hpsy.ru/public/x5154.htm> (дата обращения 14.03.2013).

3. Голик Ю. В. У суда нет оснований... [Электронный ресурс] / Независимая газета. 2012-09-04. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2012-09-04/10_destruction.html (дата обращения 14.03.2013).
4. Дмитриева Л. М. Религиозная парадигма в духовной культуре общества. / Л. М. Дмитриева, Ю. С. Бернадская, И. Г. Пендикова. – М.: Наука, 2006. – 288 с.
5. Киселев В. П. Азбука нравственности / В. П. Киселев. (В помощь лектору. Библиотечка «Моральный кодекс строителя коммунизма»). – М.: Знание, 1981. – 48 с.
6. Кутырев В. А. Сопrotивляться постчеловеческой реальности. [Электронный ресурс] / Независимая газета. 2012-10-10. – URL: http://www.ng.ru/science/2012-10-10/9_posthumanism.html (дата обращения 14.03.2013).
7. Нарочницкая Н. А. Надежда Европы – русские. [Электронный ресурс] // Православный Санкт-Петербург. № 10(202), октябрь 2008. - URL: <http://www.pravpiter.ru/pspb/n202/ta001.htm> (дата обращения 14.03.2013).
8. Пивоваров Д. В. Философия религии: Учеб. пособие. / Д. В. Пивоваров. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. – 640 с.
9. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного / [авторский коллектив Э. Н. Галич и др. ; отв. ред. Л. И. Рейснер, Н. А. Симония] ; АН СССР, Институт востоковедения. – М.: Наука, 1984. – 581 с.

Рецензенты:

Денисов Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор кафедры философии, зав. кафедрой философии ОмГПУ, г. Омск.

Нефедова Людмила Константиновна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии ОмГПУ, г. Омск.